

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Максимов</i>	
Помощник	6
<i>Марина Калмыкова</i>	
Ливерный пирожок и чудеса	15
<i>Наталья Новикова</i>	
Рождественская свеча.....	32
<i>Тамара Филимонова</i>	
Белые эльфы надежды.....	58
<i>Дмитрий Градинар</i>	
Тепло ли тебе, девица?	71
<i>Елизавета Афанасьева, Алексей Рожин</i>	
Про Колю Фанеркина.....	80
<i>Надежда Плахута</i>	
Два Рождества — два Новых года	95
<i>Даша Степанова</i>	
Кот и Принцесса.....	117
<i>Светлана Полежаева</i>	
Малыш и Карлсон.....	133
<i>Алексей Рожин</i>	
Боров Баскервилей	169
<i>Елена Яценко</i>	
Санькин снеговик	181
<i>Ирина Притога</i>	
Годовой	200
<i>Александр Полежаев</i>	
Рождественская сказка.....	255

ЮРИЙ МАКСИМОВ

ПОМОЩНИК

Давным-давно в селе под названием Мороз, на самой его окраине, стояли две избушки. В одной жил Иван, и не было у него ни семьи, ни родни. Сосед же его, Прокопий, вел хозяйство вместе с женой-красавицей, помогала им дочка-умница.

Были то края северные, недалеко от Великого града Устюга. Зимой морозы стояли здесь крепкие, потому и неудивительно, что село называлось Мороз.

В тот год зима особенно холодная выдалась...

* * *

В такую пору на хозяйстве работ меньше против летнего-то. Скотине в хлев сенца подложить,

дров к печи наносить, на колодец за водой сбегать, а там уж можно и за ремесло приниматься.

А в избе-то хорошо сидеть — натоплено, жаром от печки пышет. Примостился Прокопий на лавке, доску строгает. Жена Авдотья у печи суетится, обед готовит. А дочка Глаша к окну приникла — дышит на стекло, чтобы освободить крошечный пяточок от морозных узоров и посмотреть, как оно там, на улице.

— Папа, папа! — Ее тоненький голосок от волнения стал особенно звонким. — Дядя Ваня так сильно хромает, еле ходит!

— Да, не везет нынче Ивану! — ответил Прокопий, продолжая строгать дощечку. — Эх неудачно ногу подвернул! Мы с Тарасом приходили к нему, пытались вправить, да только еще хуже сделали. К доктору бы надобно, в город. Да откуда у него такие деньги?

— Это уж точно, — нахмурилась Авдотья, вынимая чугунки из печи. — Да еще и корова евойная наемдни пала! А без коровы на селе никуда!

— И заказов ему, как нарочно, давно не было, — кивнул хозяин. — Не знаю уж, чем он и питается!

— А все то неспроста! Столько-то бед подряд! Это со смыслом все!

— Это с каким еще смыслом? — Прокопий оглянулся на жену — даже про деревяшку от удивления позабыл.

— А с таким! По грехам это!

— Ну ты и скажешь! Уж чего-чего, а грехов у Ивана поменьше, чем у любого в нашей деревне. Не пьет, не курит, не ругается, если попросишь — всегда поможет. В церкву, почитай, каждое воскресенье ходит, за пять-то верст, в Селецкое! А святителя Николая как чтит — чуть не каждый день акафист ему читает!

— Значит, тайные грехи есть. Говорю тебе, что не иначе как кара Господня.

— А нам в воскресной школе рассказывали, — встряла в разговор Глаша, — что не всегда житейские неприятности за грехи посылаются. Иногда для испытания в вере и любви к Богу. Так и праведный Иов страдал, не имея грехов...

— Ишь ты, умная стала! — одернула ее Авдотья. — Мать родную вздумала поучать! Отойди-ка от окна, пока нос не приморозила. Поди лучше подмети, чем без дела стоять!

Глаша послушно пошла в сени за веником.

— Да, мама. А все же хочется чем-то дяде Ивану помочь. Он такой хороший!

Авдотья, отставив ухват, озабоченно заглянула в маленькую проталинку на окне:

— Ох, бедняжечка! Как он и впрямь ко-
выляет-то? К лесу направляется... Слушай,
Прокоп, может, все же подсобить ему чем?

— Да я спрашивал! Говорит, не надо ни-
чего... Что уж тут сделаешь? Аким соби-
рался в лес на телеге ехать, авось подбросит Ивана...

* * *

Деньки январские короткие, бегут быстро, да не
всегда добро приносят.

Вот вечер. Грустный Прокопий у окна сто-
ит, в темень смотрит. Глаша на постели лежит,
второй уж день не встает. Авдотья над дочур-
кой склонилась, по головке ее гладит.

— Задремала наша бедняжечка, — шепнула
она мужу. — Прокоп, надо к доктору ее везти,
что-то долго она не выздоравливает. Сам ви-
дишь, непростая тут простуда — вон жар какой.
Как бы осложнения не вышло.

— Да никто из наших нынче в город не
едет, — покачал головой хозяин, — Рождество
ведь на носу. А нанимать подводу денег нет.
Да и врачу заплатить придется. А лекарства он
пропишет, думаешь, дармовые? За всё целко-
вые надо отстегивать, а откуда их взять? Я уж
ходил занимать к Тарасу, да он не дал — гово-
рит, у самого нет. А Иван-то, гляди-ка, корову

давеча купил! И нога у него словно и не болела. Видать, где-то неплохо подзаработал. У него, что ли, попросить?

— Совестно, — вздыхает Авдотья. — Когда он в нужде был, мы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь. Разве ж он нам теперь поможет? Ладно, Прокоп, помолись, да пойдем спать, утро вечера мудренее. Авось Господь смилуется над нами, грешными.

Помолились хозяева, свет погасили, легли. Да до сна ли тут? Лежат оба молча в темноте, ворочаются, каждый об одном и том же думает.

Вдруг подле избы снег заскрипел. Почудилось? Окошко в терраске стукнуло, ударило что-то...

— Вставай, Прокоп! — кричит Авдотья. — Воры к нам лезут!

Вскочил он впотьмах, к сеням бежит, за топор хватается, ноги в валенки сует. Отворил скрипучую дверь — и бегом по снегу в темноту: «Вон тень впереди маячит — успею, догоню!» Рывок — и он настиг преступника и вцепился в него что было мочи:

— Ага, попался, ворюга!

И вдруг изумленно поперхнулся:

— Иван, ты?! Глазам не верю! Вот, значит, чем ты промышлять удумал?

— Прокоп, иди сюда! — в тот же миг крикнула Авдотья из окна, позвякивая мешочком. — Чудо-то какое! Целое сокровище нам кто-то подобрал! Тут и в город съездить, и на лекарства хватит, да еще и на ярмарку останется! Вот уж подарок! Кто же это мог быть?

— погоди, Авдотья, сейчас приду! — во весь голос крикнул Прокопий и, уже тише, обратился к Ивану: — Ты, сосед, прости меня. Виноват я пред тобою. И за подарок тебе низкий поклон. Спас ты нас! Не серчай, что я тебя так...

— Да Бог простит! — усмехнулся Иван. — И ты меня прости, что сон ваш потревожил.

— Да что там, пустяки. Почаще бы так тревожили... Скажи мне, если не секрет, как ты смог настолько разбогатеть, что даже нас от своих щедрот одариваешь? Может, наследство какое получил?

— Наследство наше в Царствии Божием будет, — весело ответил Иван, поглаживая свою бородку. — А что до денег этих... Видишь, Прокопий, как вышли у меня дрова, решил я пойти в лесок рядом с домом, хоть и нога болела. Встретился мне на дороге один старичок с посохом. Поздоровался я с ним и чувствую, будто где-то видел его. Он меня и спрашивает, чего, мол, я хромаю. Рассказал я про свою

беду, а он и говорит: «Ну, это мы поправим». Коснулся посохом моей ноги, и она тотчас здоровой стала.

— Да ну? — недоверчиво взглянул на него Прокопий. — Только коснулся?

— Истинная правда! Тут уж я смекнул, что старичок непростой. Бухнулся к нему в ноги и говорю: «Отче честный, как мне тебя отблагодарить?»

— А он что? — сосед нетерпеливо поежился.

— А он и говорит: «Знаешь, Ваня, так много людей нуждается в помощи — я один могу и не справиться. Стань моим помощником. Если узнаешь, что кому-то помощь нужна, которую ты можешь оказать, помоги даром, да по возможности тайно, чтоб не смущать человека».

— Так кто же это был? — недоумевал Прокопий, потирая мерзнувшие руки.

— Не догадался еще? Я-то быстрее твоего сообразил, но, как в хату свою вернулся, точно удостоверился: у старичка одно лицо было со святителем Николаем!

— Да быть того не может!

— Не хочешь — не верь, дело твое. Да только я ничего не выдумываю, и нога моя, как видишь, совершенно здорова! — Для верности Иван ловко притопнул.

— Ну а сокровище-то откуда?

— Да не было никакого сокровища! Как только начал добрые дела для других делать, сразу у меня все заспорилося: и подработка хорошая появилась, и коровку ладную по сходной цене предложили — словом, Господь меня самого одаривает.

— Вот оно как! — Прокопий от удивления почесал затылок. — Пожалуй, и я попробую помощником святого Николы стать... А пока побегу домой — больно морозец задирист нынешней ночью. Поклон тебе низкий, Иван, за подарок твой. Век того не забуду.

— Бога благодари, сосед. А я впредь постараюсь осторожнее быть и в руки к хозяевам не попадаться. А то, глядишь, в следующий раз бока намять успеют...

И, рассмеявшись да раскланявшись, разошлись оба по своим избам — отогреваться.

* * *

Много лет с того разу минуло, состарился Иван, но все продолжал дарить подарки нуждающимся. Как ни таился он, а слава о его доброте разошлась по всей земле русской. Многие люди, желая подражать ему, дарили на Рождество да Новый год подарки своим близким, говоря, что

делают, как дед Иван из села Мороз. Со временем название сократилось — что-то забылось, что-то выпало, и стали называть этого славного помощника святителя Николая просто: Дед Мороз.

МАРИНА КАЛМЫКОВА

ЛИВЕРНЫЙ ПИРОЖОК И ЧУДЕСА

Случилось это в самый канун Рождества. Я сидел, прижавшись спиной к холодной двери магазина, и терпеливо выжидал: авось какой-нибудь сердобольный прохожий сжа-лится и бросит мне кусочек колбасы или, на худой конец, пирожок с ливером. А пирож-ки здесь, скажу я вам, продают отменные — ароматные, с хрустящей корочкой, такие, что слюнки текут! Мой желудок, измученный го-лодом, съежился до размеров жалкого, сдув-шегося воздушного шарика. Со вчерашнего ве-чера я не держал во рту ни крошки. Признать-ся, мыш, угодившая днем в мои когти, была

совершенно безвкусной, словно жевала те же отбросы, что и я. Да, угоститься приличной пищей удастся редко.

И вдруг меня пронзило ощущение, от которого каждый волосок на загривке встал торчком, будто по коже пробежал разряд тока. В тот же момент резкий ледяной ветер рванул с такой силой, что закачался фонарный столб, а рекламный штендер рухнул на землю. Следом, точно по команде, посыпался снег — не мягкий и пушистый, а мелкий, сухой и колючий, как стеклянная пыль, впивающаяся в кожу. Я инстинктивно рванул под спасительные ступени магазина, в тесную, пахнущую сыростью и пылью щель, где хотя бы не так ощутимо секло лицо ледяными иглами. И тогда я увидел *ее*.

Она возникла из самой сердцевины метели, будто сгусток тишины в этом внезапном хаосе. Шла медленно, преодолевая порывы ветра, который, казалось, не смел сбить ее с ног — лишь трепал полы старенького пальто. Каждый шаг давался ей с усилием, но в движениях была странная выверенность, словно она ступала не по ледяному насту, а по невидимой струне. Воздух вокруг нее вибрировал — не от холода, а от чего-то неуловимого, что заставляло мои усы дрожать сильнее ветра.

Она подошла к магазину, с трудом, цепляясь за перила, поднялась по обледенелым ступенькам и встала в проходе между двумя стеклянными дверями, уставившись в пространство мутноватыми глазами.

Я выбрался из укрытия, ловко запрыгнул на холодные перила и устроился наблюдать. Вид у старушки был такой беспомощный и обреченный, что люди, выходившие с покупками, невольно замедляли шаг. Они копались в карманах, доставали кошельки и бросали ей мелочь в сумочку. Кто-то даже сунул в руку сто-рублевую купюру. А одна молодая мамаша с ребенком в коляске протянула ей... пирожок с ливером, о котором я так мечтал! Однако старушка не стала его есть. Она огляделась, заметила меня на перилах, тихонько подозвала и протянула мне лакомство. Я тут же схватил драгоценную добычу зубами, уволок ее под крыльцо, в безопасную тень, чтобы уж точно никто не отобрал, и приступил к трапезе. Съев пирожок до последней крошки, я почувствовал, как по телу разливается благодатное тепло. Мой желудок больше не напоминал жалкий сдувшийся пузырь, а главное, прекратилось изматывающее, навязчивое урчание, сводившее меня с ума.

В это время из магазина вышла моя давняя знакомая. Она работает в швейной мастерской, что ютится в подвале дома напротив. Иногда, по доброте душевной, она покупает для меня свеженькой рыбки. Как же ее зовут? Забыл. Да и не важно это. Вот у меня есть имя — Колосок. Но только никому нет дела до имени бездомного кота.

Швея остановилась в дверном проеме, что-то негромко спросила у старушки, внимательно вглядываясь в ее лицо. Потом осторожно взяла старушку под локоть и повела в сторону своего дома. Я решил последовать за ними. Щекочущее предчувствие шептало: что-то будет! У меня на такие вещи нюх!

* * *

Женщина привела старушку в свой небольшой, но уютный дом, пахнущий хлебом и свежей хвоей.

— Мам, а это кто? — спросила Маша, девочка лет восьми, выглянув из-за угла и широко раскрыв карие глаза при виде незнакомки.

— Это бабушка, — ответила мать, снимая пуховик и тяжелые сапоги, — она у нас побудет немного. Понимаешь, доченька, она, кажется, заблудилась и не помнит, где живет.

Старушка молча стояла на пороге, как изваяние. Ее глаза, затуманенные, словно покрытые инеем, смотрели куда-то сквозь стены. Маше она показалась очень странной, словно пришедшей из сказки.

— А как ее зовут? — шепотом поинтересовалась девочка, не отрывая взгляда от госты.

— Не знаю пока, — честно ответила мама, поправляя прядь волос, — но постараюсь выяснить. А ну, Машенька, будь добра, поставь чайник — нужно напоить нашу гостью горяченьким чайком, согреть ее.

Маша побежала на кухню. Мама в это время осторожно помогала бабушке снять старый платок и пальто — ее движения были мягкими и терпеливыми.

Когда все сидели за столом, согреваясь душистым чаем, с прогулки вернулась Зойка, старшая сестра Маши. Она замерла в дверях, увидев незнакомку, и со свойственной подросткам прямоотой спросила:

— Так, а это что за бабулька?

Мама рассказала, как встретила ее у магазина, одинокую и растерянную, и добавила, что, судя по всему, женщина потеряла память. Лицо Зойки сразу омрачилось.